

УДК 2:347.156(1-925.3)

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГЕНДЕРА И РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Осмонова Д.А.

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек,
e-mail: osmonova.dinara@yandex.com*

Статья посвящена анализу глубоких трансформаций гендерных отношений в религиозной сфере в новых независимых государствах Центральной Азии. Показано, что в современном Кыргызстане отмечается заметный рост числа верующих среди женского населения, способствующий возрождению патриархального образа жизни. Приводятся результаты национального обследования по восприятию гендера кыргызстанским обществом. Показаны глубокие трансформации в сфере гендерных отношений и религии в современном Казахстане. Проанализировано влияние тенгрианства и ислама на религиозное мировоззрение казахского народа в контексте гендерных отношений. Отмечается, что на фоне ренессанса традиционного ислама в республике выявляется тенденция, способная дестабилизировать социально-политическую ситуацию, – распространение фундаменталистских и радикальных течений ислама, которые в современных условиях приняли формат религиозного экстремизма. Обосновывается мысль о том, что религиозная свобода в постсоветском Узбекистане была сильно ограничена, несмотря на массовую приверженность исламу узбекского населения при минимуме вмешательства зарубежных стран, особенно мусульманских, во все сферы общественной жизни, в том числе и религиозную, что сказалось на влиянии религии на гендерные отношения. Показаны меры, предпринимаемые государственными органами Таджикистана по противодействию религиозному экстремизму и активизации женщин, по повышению их религиозной, правовой и политической осведомленности и поддержке их участия в процессе предотвращения терроризма и экстремизма. Доказывается, что в постсоветской Центральной Азии имеется возможность, основываясь на достигнутом уровне гендерного равноправия, реализовать новые перспективы решения проблем в гендерной сфере.

Ключевые слова: гендер, центральноазиатские страны, гендерные отношения, религия, ислам, тенгрианство, религиозный экстремизм

PECULIARITIES OF CONTRADICTIONS AND INTERACTION OF GENDER AND RELIGION IN CONTEMPORARY CENTRAL ASIA

Osmonova D.A.

Kyrgyz National University named J. Balasagyn, Bishkek, e-mail: osmonova.dinara@yandex.com

The article is devoted to the analysis of profound transformations of gender relations in the religious sphere in the newly independent states of Central Asia. It is shown that in modern Kyrgyzstan there is a noticeable increase in the number of believers among the female population, which contributes to the revival of the patriarchal way of life. The results of the national survey on perceptions of gender by the Kyrgyz society are presented. Deep transformations in the sphere of gender relations and religion in modern Kazakhstan are shown. The influence of Tengrianism and Islam on the religious outlook of the Kazakh people in the context of gender relations is analyzed. It is noted that against the backdrop of the renaissance of traditional Islam, a tendency is emerging in the republic that can destabilize the socio-political situation—the spread of fundamentalist and radical Islamic movements, which in modern conditions have adopted the format of religious extremism. The idea that religious freedom in post-Soviet Uzbekistan was severely restricted is substantiated, despite mass adherence to the Islam of the Uzbek population with a minimum of interference by foreign countries, especially Muslim ones, in all spheres of public life, including religious life, which affected the influence of religion on gender relations. The measures taken by Tajik state authorities to counter religious extremism and activate women to raise their religious, legal and political awareness and support their participation in the process of preventing terrorism and extremism are shown. It is proved that in post-Soviet Central Asia there is an opportunity, based on the achieved level of gender equality, to realize new prospects for solving problems in the gender sphere.

Keywords: gender, Central Asian countries, gender relations, religion, Islam, Tengrianism, religious extremism

Развал СССР и образование независимых государств на постсоветском пространстве, включая суверенные республики Центральной Азии, сформировал новые радикальные тренды во всех сферах общественной жизни. Одним из них явился религиозный ренессанс, который во всех республиках Центральной Азии принял лавинообразный характер, часто лишь частично контролируемый государственными органами. Подобная трансформация не могла не наложить болезненный отпечаток и на

гендерные отношения. Безусловно, каждая из республик Центральной Азии в данном контексте имела свои специфические особенности, связанные с историческими и культурными традициями, советским прошлым и теми моделями общественного развития, которыми они стали руководствоваться при строительстве своих государств.

Целью статьи является анализ религиозной ситуации в контексте гендерных отношений в Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане и Таджикистане и выявление общей

картины в этом вопросе во всем централь-ноазиатском регионе.

Материалами статьи послужили научные монографии, научные и публицистические статьи, интернет-ресурсы, национальные и международные исследования по вопросам взаимодействия и противоречий гендера и религии в современной Центральной Азии.

При написании статьи нами использована совокупность подходов: гендерный, системный, компаративистский и общенаучные методы анализа и синтеза, диалектической взаимосвязи и взаимодействия различных сфер общественной жизни, восхождение от абстрактного к конкретному и др.

За годы суверенитета в Кыргызстане возросло число мечетей, домов молитвы и церквей. По информации Госкомиссии по делам религий при Президенте КР, количество религиозных организаций и объединений, которые зарегистрированы на территории Кыргызстана на конец 2016 г., составило 3 тыс., из которых 86,9% относится к мусульманским структурам [1, с. 16].

Но при этом, по мнению А.С. Табышалиевой, в современных условиях ярко выделяются тенденции форсированной христианизации севера и мусульманизации юга Кыргызстана. Религиозная принадлежность ощутило воздействие на понимание статуса женщины в социуме [2, с. 109].

ООН в 2016 г. провела национальное обследование «Гендер в восприятии общества» и получила следующие результаты.

Во-первых, на вопрос – должна ли религия стать компонентом государственной стратегии на национальном уровне – около 314 женщин и мужчин полагают, что религия – это частное дело и не должна как-то влиять на проведение государственной политики. Около 1/5 респондентов считают, государственная политика полностью должна основываться на исламских принципах.

Во-вторых, в вопросе о росте числа верующих мусульман имеются несущественные гендерные различия. Так что это «нормально и хорошо» считает значительное число граждан (52% мужчин и 46% женщин), но 31% мужчин и 46% женщин опасаются и оценивают это в качестве угрозы социуму. Около 50% женщин и мужчин, относящихся к данному явлению позитивно, думают, что это помогает укрепить семью и правильно воспитывать детей. Примерно 50% женщин и мужчин-респондентов, опасаящихся этого, убеждены, что «это способствует усилению экстремизма».

Анализ в региональном разрезе показывает, что мусульманские нормы более всего

приветствуются в Ошской, Джалал-Абадской, Нарынской областях, а также в городе Ош. Респондентов, одобряющих данные нормы, намного выше в группе опрашиваемых, считающих, что государственная политика полностью должна формироваться на исламских принципах.

В-третьих, несущественные гендерные различия выявлены в плане ряда высказываний, в которых одобряются исламские нормы, противопоставляемые светским. Так, с высказыванием, что «исламские законы от Аллаха выше, чем национальные законы» соглашаются 31% мужчин и 23% женщин. Среди респондентов 19% мужчин и 16% женщин считают, «правильней следовать нормам шариата и советам муллы, чем идти в правоохранительные и судебные органы», а 29% мужчин и 23% женщин согласны с точкой зрения, что «истинно верующая мусульманка не должна запрещать супругу брать других супруг».

В-четвертых, мужчина намного лучше женщин информирован об ответственности за принятие участия в действиях экстремистских структур. Среди них 64% осведомлены, что за такое последует наказание лишением свободы, и только 19% затруднились ответить на данный вопрос. А среди женщин-респондентов информированы в подобной ответственности – 58% и затруднились с ответом – 24% [3, с. 96].

В суверенном Казахстане также проходят бурные трансформации в области взаимодействия гендерных отношений и религиозных процессов. Но следует отметить, что казахские женщины, в отличие от узбекских, таджикских и туркменских, несмотря на мусульманское вероисповедание, обладали значительно большей свободой в мировоззрении и поведении. Некоторые авторы, в частности Д.Б. Жаркимбаева, объясняют эти особенности влиянием тенгрианства на религиозное мировоззрение казахского народа, включая женскую половину. Она считает, что посредством тенгрианства были заложен фундамент социальных отношений, в том числе и гендерных. Мусульманская гендерная философия, которая в норме отличается от тенгрианского мировоззрения, трансформировала статус женщины в казахском социуме, в результате чего казахские женщины из активной части общества стали пассивным субъектом социальных отношений. Ислам, внося изменения в отношения к казахской женщине, трансформировал гендерную идеологию, определяя гендерные отношения, из-за чего появились противоречия в гендерном сознании и гендерной психологии казахского традиционного социума. Смена конфессии

породила конфликт всех компонентов гендерного сознания, таких как гендерная идеология, психология и отношения, которые переживают период своего возрождения в постсоветский период [4, с. 39–42].

Мусульманство внесло противоречия в гендерную психологию и гендерные отношения кочевников. Из-за этого противоречия кочевники длительный период сопротивлялись внедрению ислама, который стал усиливаться после активного транзита казахов к оседлой жизни и в послеоктябрьский период. В связи с этим женщина из субъекта социальных отношений преобразовалась в мусульманку-затворницу, которая прислуживает супругу. Мужчина начинает доминировать над женщиной и в семье и обществе, что порождает глубокий конфликт мировоззрения, который возрождается в настоящее время в связи с исламским ренессансом в Казахстане [5, с. 90–91].

Проблема гендерных отношений в новых рыночных отношениях и становлении демократического социума представляет собой одну из наиболее актуальных в современном Узбекистане. Характер гендерных отношений в Узбекистане кардинальным образом отличается от соседних Кыргызстана и Казахстана. Это объясняется историческими, религиозными, экономическими, политическими, демократическими, этническими причинами. Во-первых, узбеки, составляющие большинство в 33-х миллионном современном Узбекистане, многие столетия, в отличие от кочевников – казахов, кыргызов, туркмен, каракалпаков – вели традиционный оседлый образ жизни, который наложил на менталитет узбекского этноса огромный отпечаток, включая и гендерные отношения. Во-вторых, ислам имел и имеет решающее влияние на мировоззрение узбеков, их гендерные нормы, ценности, сознание, идеологию и психологию. В-третьих, постсоветский консервативный режим, установленный экс-президентом И. Каримовым, тормозил демократические и социально-экономические реформы, которые проводились более ускоренными темпами в Кыргызстане и Казахстане, что существенно сказалось на развитии гендерных отношений в республике. Кроме этого, особо следует отметить, что религиозная свобода, которая охватила все постсоветские государства, в том числе центрально-азиатские, в постсоветском Узбекистане была сильно ограничена, несмотря на массовую приверженность исламу узбекского населения. До минимума было доведено вмешательство зарубежных стран, особенно мусульманских, во все сферы общественной жизни, в том числе и религиозную.

Образование и трансформация гендерных норм в современном Узбекистане остается актуальной исследовательской проблемой, требующей определения новых перспектив, идей и ответов. По мнению узбекских экспертов, при разработке национальных стратегий и программ необходимо использовать комплексный гендерный подход, и в первую очередь стратегию, ориентированную на достижение оптимального уровня гендерного равноправия.

Социальные роли женщин и мужчин эволюционным путем трансформируются, и данные роли связаны с вопросом ресурсов и власти. Все инициативы и законы во властных органах должны проходить обязательную гендерную экспертизу. Женщины на уровне исполнительных органов власти не представлены в достойном количестве. Но за постсоветский период под давлением международных организаций произошли перемены, активизировались мужчины, поддерживающие гендерное равноправие в Узбекистане. Акцент сместился с женщин на общество. Но опыт демонстрирует, что в основном в решении гендерных проблем заинтересованы только женщины. Процесс достижения гендерного баланса в Узбекистане идет, но медленными темпами, по сравнению с Казахстаном и Кыргызстаном. Для реализации цели необходимы гендерно-чувствительная структура и гендерно-комфортные условия.

Гендерная ситуация в современном Таджикистане намного сложнее, чем в Кыргызстане, Казахстане и Узбекистане из-за низкого уровня жизни населения, особенно в сельской местности, массовой внешней миграции, в которой участвуют в основном граждане мужского пола, сильного влияния исламского мировоззрения с соответствующими гендерными представлениями.

Значительная часть женского населения не имеют полного среднего школьного образования. Также занятость в республике очень низкая. Высокая доля безработицы создает многие барьеры и проблемы для женщин. Женщины из-за отсутствия соответствующего образования работают в основном в сферах торговли и обслуживания. Более двух трети населения – сельчане и работу могут найти только в сельской местности. Треть населения относятся к малоимущим, что стимулирует многих сельских жителей мигрировать за рубеж, в основном в Россию и Казахстан. Женщины от безысходной ситуации занимаются домашним хозяйством и земледелием. Данные два фактора феминизируют бедность.

ООН в 2017 г. опубликовала итоги анализа участия женщин в насильствен-

ных экстремистских действиях и путях их предотвращения, в том числе касающиеся женщин Таджикистана. Власти республики отмечают, что в 2012–2016 гг. 1094 граждан покинули республику, чтобы примкнуть к ИГИЛ. Среди этих людей до 18% (до 200) – женщины [6].

В целом госорганы интерпретируют факты вовлечения таджикских женщин в экстремистские организации их пассивной ролью в семье, а также общепринятой традицией следовать за супругами. По Таджикистану имеется информация о выезде целых таджикских семей из Хатлонской и Согдийской областей. В ИГИЛ, по информации 2015 г., находились 154 семьи из Таджикистана, включая 162 детей и 100 женщин.

В Республике Таджикистан есть правовые основы для противодействия религиозному экстремизму, базирующиеся на законах «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» и «О свободе совести и религиозных объединениях». Так же есть норма в Уголовном кодексе Таджикистана об освобождении и ответственности женщин и мужчин, которые имели связи с зарубежными экстремистскими группами и своевременно раскаялись в этом.

В Нацстратегии борьбы с терроризмом и насильственным экстремизмом на 2016–2020 гг. отмечаются факторы, которые ведут девочек и женщин в экстремизм. Она содержит план мер в целях продвижения роли женщин в процессе предотвращения терроризма и экстремизма и ориентирован на активизацию женщин, повышение их религиозной, правовой и политической осведомленности.

Таким образом, в постсоветской Центральной Азии имеется возможность, основываясь на достигнутом уровне гендерного равноправия, реализовать новые перспективы решения проблем в гендерной сфере. Все центрально-азиатские государства осуществляют в той или иной степени курс на развитие правового, демократического общества. Совершенная аксиома, что статус женщины представляет собой барометр демократических преобразований.

Ренессанс ислама и национальных традиций, нередко в их агрессивных и архаичных формах, который более или менее стал приметой времени во всей Центральной Азии, низкий уровень жизни, социальная незащищенность и недостаточно активная и эффективная деятельность по решению проблем женщин способствуют последним представлять собой самые уязвимые слои населения.

Данным тенденциям противостоят гражданские структуры женщин. Большую

роль в развитии данного процесса играют международные организации.

Демократические институты, демократическое сознание должны в центре своего внимания держать гендерные проблемы. Причем их решение не должно быть уделом лишь самих женщин. Пока весь социум, включая политиков и каждого мужчину, не повернется к данной проблематике, он не сможет иметь перспективы, стать социумом истинной демократии и равных возможностей. А в условиях Центральной Азии решение гендерных проблем будет обречено на регресс и откат к прошлому [3, с. 5–6].

Анализ специфики противоречий и взаимодействия гендерных и религиозных отношений в Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане и Таджикистане в современных условиях позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее либеральный демократический режим во всем центральноазиатском регионе, сложившийся в современном Кыргызстане, способствовал свободному развитию религиозных конфессий и распространению религиозного мировоззрения среди населения республики при активизации женского движения и проведении современной гендерной политики, что обострило противоречия между традиционным исламским и современным светским подходом к решению гендерных проблем.

2. В современном Казахстане также происходят глубокие трансформации в религиозной сфере, однако на исламское возрождение влияют кочевые традиции тенгрианства, в том числе и в вопросах гендерных отношений. Благодаря серьезным экономическим позициям Казахстан более эффективно регулирует религиозную ситуацию, и социально-экономическое положение женщин в республике является наиболее комфортным в Центральной Азии.

3. Религиозная свобода в постсоветском Узбекистане была сильно ограничена, несмотря на массовую приверженность исламу узбекского населения при минимуме вмешательства зарубежных стран, особенно мусульманских, во все сферы общественной жизни, в том числе и религиозную, что сказалось во влиянии религии на гендерные отношения.

4. Гендерная ситуация в современном Таджикистане намного сложнее, чем в Кыргызстане, Казахстане и Узбекистане из-за низкого уровня жизни населения, массовой внешней миграции, в которой участвуют в основном граждане мужского пола, сильного влияния исламского мировоззрения с соответствующими гендерными представлениями.

5. В целом во всех республиках Центральной Азии ислам занимает наступательную позицию по внедрению своих гендерных норм и ценностей, несмотря на массовое активное женское движение, ориентированное на демократическую модель развития гендерных отношений.

Список литературы

1. Социальные тенденции Кыргызской Республики: 2012–2016: Выпуск 13. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2018. 147 с.

2. Табышалиева А. Отражение во времени. (Заметки к истории положения женщин Центральной Азии). Бишкек: Турап, 1998. 136 с.

3. Гендер в восприятии общества (результаты национального обследования). Бишкек, 2016. 233 с.

4. Жаркимбаева Д.Б. О роли религии в формировании гендерных отношений и гендерного сознания: тенгрианство и ислам // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 4 (400). Вып. 44. 97 с.

5. Аверина М.В., Беляева М.А., Герасимова Т.Н. и др. Гендерные исследования в гуманитарных науках / Под ред. А.Г. Бердниковой. Новосибирск: СибАК, 2012. 154 с.

6. Женщины и экстремизм. Исследование ООН по Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://caanetwork.org/archives/11343> (дата обращения: 21.08.2018).